

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО АРГУМЕНТА
В РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МЕНТАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ:
*СОБЛЮДЕНИЕ, КОМПРЕССИЯ, РАСЩЕПЛЕНИЕ*¹

FORMS FOR REALIZING PROPOSITIONAL ARGUMENT IN RUSSIAN
SENTENCES WITH A MENTAL VERB:
OBSERVANCE, COMPRESSION AND SPLITTING

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ABSTRACT. The subject of the article is the mental verbs (verbs of knowledge, understanding and thinking) of the modern Russian language, treated in terms of syntactic valence. The author examines the grammatical forms of the realization of propositional argument in sentences with mental verbs with the predicate-argument structure $P(x, q)$. The forms of representation of propositional argument are divided into three types: observance, compression and splitting. The author shows that in this area we have to deal with an analog reflection of the propositional structure, or more or less a compression of proposition argument, or its dismemberment and doubling of its syntactic position. The author takes into account the regularity of the implementation of each grammatical form, quoting the relevant quantitative data.

Aleksander Kiklewicz, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Olsztyn
– Polska, akiklewicz@gmail.com

Предметом статьи являются грамматические формы реализации пропозиционального аргумента (далее: ПА) в предложениях с ментальным глаголом в позиции сказуемого. Исследование опирается на культивируемую представителями польской школы семантического синтаксиса концепцию *эксplikативного синтаксиса*², соз-

¹ Статья написана в рамках научного проекта „Синтаксические свойства глаголов как база их интегративного лексикографического описания (на сопоставительном материале болгарского, польского и русского языков)”, реализуемого по программе Национального центра науки (Narodowe Centrum Nauki, nr 2013/11/V/HS2/03116).

² *Podstawowe struktury zdaniowe języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski*, red. A. Kiklewicz, M. Korytkowska, Olsztyn 2010; A. K i k l e w i c z, M. K o r y t k o w s k a, *Эксplikативный синтаксис как информационная база лексикографического описания глаголов (на материале польского и русского языков)*, „Acta Linguistica Petropolitana” 2012, nr VIII (3), с. 279–297; *tychże, Modelowanie płaszczyzny syntaktycznej a segmentacja hasła*

дателем которой является С. Кароляк³. Одной из главных задач этого направления является описание форм грамматической репрезентации семантической (аргументной) структуры, закодированной в лексическом значении глагольного предиката. Особое внимание обращается на то, насколько полным, дискретным, изосемическим (в терминологии Г. А. Золотовой⁴) способом в грамматической структуре предложения отражается ПА. В статье будут рассмотрены все отмеченные типы оформления ПА в предложениях с ментальными глаголами, реализующими пропозициональную структуру $P(x, q)$ (на которые приходится 87% всех ментальных глаголов). В предложениях этого типа ситуация ментального действия, состояния, процесса представляется с точки зрения активного экспериенсера, который осуществляет ментальную операцию по отношению к некоторому положению дел.

Обзор способов реализации ПА следует начать с того, который можно считать наиболее репрезентативным. Речь идет о выражении ситуации или события, которое является предметом интеллектуального действия или процесса, в виде придаточного предложения. Такие грамматические формы будут квалифицироваться как *д и с к р е т н ы е*. В данном случае наблюдается симметрия между семантическим и формально-грамматическим планами предложения: $P(x, q) \rightarrow V N_x V_q \dots$. В соответствии с терминологией динамического синтаксиса, вслед за Б. Ю. Норманом⁵, эту синтаксическую форму можно определить как *с о б л ю д е н и е*. Правда, Норман имеет в виду точное повторение в высказывании языковой структурной схемы, мы же считаем возможным более широкое применение данного понятия, в том числе в сфере отношений между значением и формой синтаксических единиц.

Конструкции данного типа различаются тем, включают они коррелятор (соотносительное местоимение *то*) или нет, имеют союзный

słownikowego (na przykładzie języków słowiańskich), „Biuletyn PTJ” 2013, nr LXVIII, s. 49–68; tychże, *Opis właściwości walencyjnych czasowników na podstawie teorii składni eksplikacyjnej – problemy konfrontatywne i leksykograficzne (na przykładzie języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego)*, [в:] *Výzkum slovesné valency ve slovanských zemích*, pod red. K. Skwarskiej i E. Kaczmarskiej, Praha 2016, s. 291–304; A. K i k l e w i c z, *Русский язык в модели экспликативного синтаксиса*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2016, nr VII/1, s. 133–152.

³ S. K a r o l a k, *Składnia wyrażen predykatywnych*, [в:] *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, pod red. Z. Topolińskiej, Warszawa 1984, s. 11–212; tegoż, *Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw*, Warszawa 2001; tegoż, *Semantyczna kategoria aspektu*, Warszawa 2008; tegoż, *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*, Warszawa 2002.

⁴ Г. А. З о л о т о в а, *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва 1988, с. 430.

⁵ Б. Ю. Н о р м а н, *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург 1994, с. 176.

или бессоюзный характер. На это указывают приведенные ниже иллюстрации:

- (1) Он вдумался в то, что прочитал.
- (2) Кихтенко верит, что террористов можно сделать более миролюбивыми.
- (3) Я задумался: что бы такое сказать?
- (4) Костырченко итожит: „Вольно или невольно они перешли грань дозволенного“.

Синтаксическая структура зависит также от того, имеет ли глагольный предикат фактивный или нефактивный характер⁶. В связи с этим рассмотрим два предложения:

- (5) Иван знает, что есть такой университет.
- (6) Иван думает, что есть такой университет.

Первое предложение основано на предпосылке, что придаточное предложение истинно, поэтому отрицание главной части не влияет на истинность придаточной:

- (7) Иван не знает, что [это — правда] есть такой университет.

В предложении с глаголом мнения не предполагается истинность придаточной части. Если в главную часть ввести отрицание, это вызовет отрицание зависимой части:

- (8) Иван не думает, что есть такой университет (потому что нет такого университета).

Указанное здесь различие связано со спецификой синтаксической сочетаемости фактивных и нефактивных глаголов: только первые, как пишет Е. В. Падучева⁷, допускают сочетаемость с косвенным вопросом. На косвенный вопрос указывает присутствие коннектора (союзного слова), который занимает в структуре придаточного предложения отдельную синтаксическую позицию, ср.:

- (9) Народ знает, кого почитать.
- (10) *Народ сомневается, кого почитать.

Второй тип грамматической реализации ПА представляют полудискретные экспликативные схемы, в которых показатель предикативного значения выступает в форме абстрактного существительного или, реже, инфинитива. Такие формы являются ре-

⁶ Об этом различии подробнее см.: A. K i k l e w i c z, *Podstawy składni funkcjonalnej*, Olsztyn 2004, с. 171.

⁷ Е. В. П а д у ч е в а, *Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова?*, [в:] *Логический анализ языка. Знание и мнение*, под ред. Н. Д. Арутюновой, Москва 1988, с. 38.

зультатом к о м п р е с с и и дискретных конструкций: синтаксическая форма теряет статус предложения и переходит в разряд именных групп (словосочетаний):

(11) Тело движется > движение тела.

Данный синтаксический тип, реализуемый с наибольшей регулярностью⁸, можно проиллюстрировать следующими примерами:

(12) Жена мечтает о разводе.

(13) Теннису я научился раньше.

(14) Он обманывается в своих ожиданиях.

(15) Он передумал уходить.

(16) Сын предполагает выучиться и вернуться домой.

Н е д и с к р е т н ы е к о н с т р у к ц и и являются результатом еще более сильной синтаксической компрессии: показатель предикации элиминируется, а на „поверхности“ фразы остаются именные группы, указывающие на тот или иной аргумент зависимой пропозиции. Часто конструкции этого типа имеют разговорный характер, а также широко выступают в текстах функциональных стилей, имитирующих разговорную речь (в художественном или публицистическом), ср.:

(17) Мы не поверим американцам (< Мы не поверим тому, что говорят американцы).

(18) Я подумывал о кукле из резины (< Я подумывал о том, чтобы купить куклу из резины).

(19) Она рассчитывала на Ирину (< Она рассчитывала на то, что Ирина ей поможет).

Наиболее высокая степень синтаксической компрессии наблюдается в конструкциях, в которых позиция ПА является незаполненной. Здесь мы имеем дело с так называемой н у л е в о й с и н т а к с и ч е с к о й п о з и ц и е й. Валентность ментального предиката отражается только в предложениях с бесконтекстным синтаксическим нулем, когда возможность или невозможность устранения правого колоката регулируется лексическим значением управляемого слова, т. е. глагольного предиката. К валентности глагола, однако, не имеет отношения контекстно обусловленное незаполнение позиции ПА, поскольку в этом случае действуют внешние факторы (такие, как коммуникативная ситуация, знания речевых субъектов и др.). Большинство (65%) ментальных глаголов допускает незаполненную позицию ПА. При этом пред-

⁸ A. K i k l e w i c z, *Синтаксические характеристики русских и польских интернет-форумов (на материале простых и сложных предложений с ментальными предикатами)*, [в:] *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*, Hrsg. B. Tosović, A. Wonisch, Graz 2016, с. 102.

мет ментального действия или состояния оказывается неопределенным или имеет обобщенный характер, на что указывают следующие примеры:

- (20) Бережков опять расфангазировался.
- (21) Я постоянно рефлексирую.
- (22) Не мешайте — я сконцентрируюсь.
- (23) Она не делает выводов — он только созерцает.
- (24) Он не думает — он угадывает.
- (25) Мысленная „диета“: подумать, внушить себе и похудеть.
- (26) Я не делаю никаких выводов — я только воображаю.

Редукция синтаксической формы реализации ПА связана с присутствием адьюнктивных (семантически факультативных) компонентов, в первую очередь наречий и частиц (*опять, только, особо, постоянно, всегда* и др.), которые выполняют специфическую *к о м п е н с а т о р - н у ю ф у н к ц и ю*. Хотя эти компоненты не имплицированы значением глагольного предиката, но их присутствие способствует употреблению глагола без спецификации предмета ментального действия. Это явление ранее описывалось на материале русского и польского языков⁹.

Нулевая реализация позиции ПА не всегда возможна. Существуют глаголы, которые не допускают этого типа вербализации своей семантики. Например, глагол *учитывать / учесть* предполагает несколько более или менее дискретных форм реализации ПА:

- (27) Грабители не учли, что в дальней комнате находилась домработница.
- (28) Президент учитывает реальные потребности компании.
- (29) Лектор учитывает слушателя.

Вместе с тем отсутствие правого комплемента не предусматривается:

- (30) *Иван постоянно учитывает.
- (31) *Я всегда учитываю.
- (32) *Ты только учитываешь.

Наблюдения показывают, что к этой группе принадлежат глаголы, ментальное значение которых возникло в результате семантической деривации, т. е. метафоризации, которая не претерпела еще „стирания“ (как в случае глагола *вскрывать / вскрыть*). Кроме того, элиминированию позиции ПА не способствует семантический элемент окончательности или однократности действия. Примерами этого могут послужить глаголы *выучивать / выучить, смекнуть, догадываться / догадаться* и др.

⁹ С. С я т к о в с к и, *О принципах классификации простого предложения в современном русском языке*, „Русский язык в школе“ 1965, № 3, с. 9; А. К i k l e w i c z, *Tak zwane członu przyłączone a status referencyjny wypowiedzi*, „Poradnik Językowy“ 2007, nr 9, с. 39 и др.

В языковой практике наблюдается явление, когда один и тот же компонент семантической структуры получает двукратное выражение в формально-грамматической структуре. При этом одному аргументу соответствуют две синтаксические позиции и две синтаксемы. Данное явление квалифицируется в лингвистической литературе как *р а с - щ е п л е н и е*¹⁰. Здесь мы имеем дело со своего рода синтаксической парцелляцией как фактом асимметрии между семантическим и формально-грамматическим планами предложения.

В эмпирическом материале отмечено более десятка экспликативных схем с расщеплением. В зависимости от степени дискретности представления ПА их можно упорядочить следующим образом:

1. дискретные схемы, включающие как минимум одно придаточное предложение;
2. схемы, не содержащие придаточных предложений;
 - 2.1. полудискретные схемы, содержащие показатель предикации;
 - 2.2. недискретные схемы, не содержащие показателя предикации.

Дискретные схемы с присутствием двух придаточных являются чрезвычайно редкими — они были отмечены только в предложениях с глаголами *думать*₂ и *помнить*. Это легко объяснить тем, что нагромождение придаточных предложений, указывающих на один и тот же фрагмент референциальной ситуации, нежелательно из соображений языковой экономии: такого рода конструкции выглядят громоздкими. Приведем примеры упомянутых конструкций:

- (33) О том, что муж не вернулся, она думает, что это — ее собственная вина.
- (34) О том, что было на лекции, он только помнил, что преподаватель говорил медленно и невнятно.
- (35) О том, что было со мной, я только помню, как входил в церковь.

С помощью метода трансформации можно показать, что данные предложения представляют собой результат специфического расширения структурной схемы: позиция зависимого от глагольного предиката сентенционального компонента удваивается, последовательное подчинение заменяется соподчинением. Например, так можно реконструировать первое из приведенных выше предложений:

- (36) < Она думает, что в том, что муж не вернулся, есть ее собственная вина.

Во втором и третьем предложениях процесс синтаксической реконструкции имеет иной вид: здесь происходит специфическая экстериоризация экзистенциальной пресуппозиции. Так, предложение

¹⁰ S. K a r o l a k, *Podstawowe struktury...*, op. cit., с. 105; *Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*, ред. Ю. Д. Апресян, Москва 2010, с. 351.

(37) На лекции преподаватель говорил медленно и невнятно.
предполагает пресуппозицию:

(38) > На лекции что-то было/происходило.

Эта пресуппозиция получает материальное выражение в форме придаточного предложения, которое вводится в предикативную структуру. Данная операция выполняет определенную коммуникативную функцию: благодаря экстерииоризации пресуппозиции более отчетливо экспонируется тема высказывания. В связи с этим можно предложить следующую трансформацию предложения (34):

(39) Что касается лекции / если говорить о лекции, то он помнил только то, что [на лекции] преподаватель говорил медленно и невнятно.

Более часто выступают конструкции расщепления, в которых имеется один синтаксический элемент. Ниже приводятся примеры.

Экспликативная схема	Иллюстрации
V N _x , V _q ... NV _q ...	<i>О том, что муж не вернулся, она думает как о своем поражении. То, что произошло, он вспоминал как один из курьезов.</i>
V N _x , NV _q ... V _q ...	<i>Человек помнит прошлое как то, что совершалось само по себе. Он думает о Лене, что это – женщина его мечты. Я знал о визите только то, что он ожидается осенью.</i>
V N _x , V _q ... Adj _q ...	<i>О том, что случилось, она думает / помнит только хорошее.</i>
V N _x , N _{aq} V _q ...	<i>Иван не верит брату, когда тот рассказывает о Тихом океане. Он думает о детях, что они эгоистичны.</i>
V N _x , V _q ... N _{aq} ...	<i>Из того, что было на приеме, он только помнил уставшее лицо посла.</i>

Один из наиболее распространенных типов таких конструкций включает ментальный глагол *знать* (примеры заимствованы из интернет-корпуса русского языка):

(40) Москаленко про город знал только то, что там все в очках, с гитарами и хотяг свободной любви (Денис Горелов).

(41) Тогда о нём я знал только то, что он – математик (Моисей Каганов).

(42) Об этом животном туристы знают только то, что оно может оплевать (Михаил Задорнов).

(43) О рыбах корейнка знает только то, что их можно есть (Ольга Шевченко).

(44) Про евреев он знал только то, что лучше им не быть (Михаил Веллер).

Совершенно очевидно, что в основе таких конструкций лежит более простой тип с одним глагольным управлением, ср.:

(45) Я знал только, что он математик.

Условием синтаксической трансформации является здесь кореференция компонентов — их указание на один и тот же фрагмент действительности, в частности, одно и то же лицо (*знал о нем // он — математик*). Несмотря на очевидную тавтологию выражения данного типа коммуникативно оправданы: они служат экспонированию темы придаточного предложения.

Еще более регулярный характер имеют конструкции расщепления с участием двух именных групп — показателей предикации. В этой функции выступают абстрактные существительные, прилагательные и инфинитивы. В материале обнаружено девять экспликативных схем такого рода, из которых наиболее регулярно реализуется схема $V N_x, NV_{aq...} NV_{Pq...} \emptyset_{Vq}$, ср. примеры:

- (46) В войне за Донбасс они не видят смысла.
- (47) 40 лет правления короля вспоминают как золотой век.
- (48) *Он вообразил историю как последовательность событий.
- (49) Он думает о войне как о проявлении безнравственности.

В конструкциях этого типа первый элемент ($NV_{aq...}$) представляет подлежащее придаточного предложения, которое претерпело структурную компрессию, а второй элемент ($NV_{Pq...}$) — именную часть составного сказуемого. На это указывает возможность трансформации:

- (50) В войне за Донбасс они не видят смысла → Они не видят [не считают], что война за Донбасс имеет смысл.

Наиболее часто конструкции этого типа выступают с ментальным глаголом *считать*:

- (51) Я считаю ошибкой решение о проведении выборов 5 октября.
- (52) Альенде же считал ошибкой Фрея медленный ход реформ.
- (53) Дружбу с тобой я считаю подарком судьбы.
- (54) Свое дежурство она считала отдыхом.

Другие глаголы, повторяя данный тип сочетаемости, претерпевают процесс семантической деривации. Например, глагол *рассматривать / рассматреть* в предложениях типа

- (55) Он рассматривает информацию как содержание какого-либо сообщения
→ Он считает, что информация представляет собой содержание сообщения.

реализует лексическое значение, близкое к значению глагола *считать*, что, в частности, отмечают толковые словари.

Последний тип расщепления ПА в предложениях с ментальными глаголами включает две именные группы с предметным значением. Они обозначают участников ситуации, которая является предметом рефлексии описываемого в предложении лица. В этой позиции мо-

гут находиться как одушевленные, так и неодушевленные существительные:

- (56) Он верит в меня как в поэта.
- (57) Ребенок воображает себя собакой.
- (58) Он думает о вещах как о живых людях.
- (59) Она мечтала о нем как о любовнике и муже.

Преимущественно, это — конструкции, в которых существительные представляют элементы предикативной связи (компрессированного) придаточного предложения: подлежащее и именную часть составного сказуемого. На это указывает возможность трансформации:

- (60) Он думает о вещах как о живых людях → Он думает, что вещи — это живые люди.

Формами репрезентации подлежащего являются синтаксемы: N_{acc} / Prep N_{acc} / Prep N_{loc} , тогда как на именную часть сказуемого указывают следующие синтаксемы: N_{instr} или Prep [как] N_{acc} / Prep N_{acc} / Prep N_{loc} .

Из проведенного анализа следует, что наиболее регулярно осуществляются четыре способа реализации ПА: $q \rightarrow NV_{q...}$ (95% глаголов), $q \rightarrow V_{q...}$ (87% глаголов), $q \rightarrow N_{aq} \emptyset_q$ (75% глаголов) и $q \rightarrow \emptyset_q$ (65% глаголов). В силу их разнородности трудно констатировать существование какой-либо тенденции в этом плане — представлены все основные типы реализаций: дискретная, полудискретная, недискретная и нулевая. Можно, однако, отметить несколько более высокую регулярность синтаксических форм, содержащих показатель предикации.

Инфинитивная реализация наблюдается при глаголах со значением предвидения, планирования, проектирования, т. е. имеет лексически ограниченный характер. Это же касается и конструкций с расщеплением, которые допускаются в случае немногих глаголов.

Можно заключить, что межсловные синтаксические связи (управление) не играют в сочетаемости ментальных глаголов главной роли, так как большая доля конструкций приходится на сложные предложения, а также на предложения с незаполненной позицией ПА. В общем процессе грамматической актуализации предложений с ментальными глаголами можно усматривать действие трех сил: во-первых, это — имплицитованная лексическим значением глагола пропозиционально-семантическая структура; во-вторых, это — устойчивый характер некоторых грамматических связей и структурных схем; в-третьих, это — коммуникативно-прагматические и стилистические факторы. Как видим, в отдельно взятом языковом явлении пересекаются все важнейшие параметры функционирования языковой системы.

Библиография

- K a r o l a k S., *Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw*, Warszawa 2001.
- K a r o l a k S., *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*, Warszawa 2002.
- K a r o l a k S., *Semantyczna kategoria aspektu*, Warszawa 2008.
- K a r o l a k S., *Składnia wyrażeni predykatywnych*, [w:] *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, pod red. Z. Topolińskiej, Warszawa 1984, s. 11–212.
- K i k l e w i c z A., *Podstawy składni funkcjonalnej*, Olsztyn 2004.
- K i k l e w i c z A., *Tak zwane człony przyłączone a status referencyjny wypowiedzi*, „Poradnik Językowy” 2007, nr 9.
- K i k l e w i c z A., K o r y t k o w s k a M., *Modelowanie płaszczyzny syntaktycznej a segmentacja hasła słownikowego (na przykładzie języków słowiańskich)*, „Biuletyn PTJ” 2013, nr LXVIII, s. 49–68.
- K i k l e w i c z A., K o r y t k o w s k a M., *Opis właściwości walencyjnych czasowników na podstawie teorii składni eksplicacyjnej – problemy konfrontatywne i leksykograficzne (na przykładzie języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego)*, [w:] *Výzkum slovesné valency ve slovanských zemích*, pod red. K. Skwarskiej i E. Kaczmarek, Praha 2016, s. 291–304.
- Podstawowe struktury zdaniowe języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski*, red. A. Kiklewicz, M. Korytkowska, Olsztyn 2010.
- З о л о т о в а Г. А., *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва 1988.
- K i k l e w i c z A., *Русский язык в модели экспликативного синтаксиса*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2016, nr VII/1, s. 133–152.
- K i k l e w i c z A., *Синтаксические характеристики русских и польских интернет-форумов (на материале простых и сложных предложений с ментальными предикатами)*, [w:] *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*, Hrsg. B. Tosović, A. Wonisch, Graz 2016, s. 102.
- K i k l e w i c z A., K o r y t k o w s k a M., *Эмпликативный синтаксис как информационная база лексикографического описания глаголов (на материале польского и русского языков)*, „Acta Linguistica Petropolitana” 2012, nr VIII (3), s. 279–297.
- Н о р м а н Б. Ю., *Грамматика говорящего*, Санкт-Петербург 1994.
- П а д у ч е в а Е. В., *Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова?*, [w:] *Логический анализ языка. Знание и мнение*, под ред. Н. Д. Арутюновой, Москва 1988, s. 38.
- С я т к о в с к и С., *О принципах классификации простого предложения в современном русском языке*, „Русский язык в школе” 1965, № 3, s. 9.
- Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*, ред. Ю. Д. Апресян, Москва 2010.